Л. ТРОЦКИЙ и Г. ЗИНОВЬЕВ

БОЙ ЗА ПЕТЕРБУРГ

ДВЕ РЕЧИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕТЕРБУРГ
1920

Л. ТРОЦКИЙ и Г. ЗИНОВЬЕВ

БОЙ ЗА ПЕТЕРБУРГ

ДВЕ РЕЧИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Петербург • 1920

Четвертая Государственная типография, Фонтанка, 57

РЕЧЬ
ТОВ. ЗИНОВЬЕВА

на юбилейном собрании Петербургского Совета Р. и К. Депутатов 7-го ноября 1919 г.

Речь тов. Зиновьева на торжественном заседании Петербургского Совета.

Жертвы Красного Питера.

Товарищи, первое слово на сегодняшнем нашем собрании, само собою разумеется, должно быть посвящено нашим товарищам и братьям, павшим в борьбе за наш родной Красный Петербург. Сейчас нет не только ни одного района, но, пожалуй, ни одного крупного завода, на котором не насчитывалось бы несколько покойников из среды тех товарищей, которые в последние дни отправились защищать Петербург. Может быть, можно даже сказать, что в каждой рабочей семье в Петербурге теперь не досчитываются того или другого члена семьи. К именам наших погибших товарищей, к именам Володарского и Урицкого в последние дни прибавились имена не менее славные.

Достаточно вспомнить товарищей Мазина, Жука, Чекалова, Григорьева, Трубачева и многих, многих других. Я называю имена наиболее старых, наиболее известных товарищей. Но, разумеется, нам не менее горестна потеря и тех рядовых товарищей, имена которых, быть может, еще надолго останутся безвестными.

Товарищи, много жертв понес Красный Пете бург за последние дни и недели, много дорогих жи ней погибло. Но никогда еще люди не умирали более светлые, за более благородные цели, чем наши товарищи, которые погибали, защищая Пете бург, защищая столицу мировой революции, которую покушался двуглавый орел мировой реа ции.

Итоги.

Последний месяц можно назвать *месяцем* *Петербурге*. Теперь можно уже подвести некотор итоги тому, что было. В вихре событий мы сразу отдавали себе отчет в том, что происходи Теперь можно ясно ответить на вопрос, что сл чилось.

Мы имеем теперь английские, эстонские, ру ские белогвардейские газеты, и нам рисуется у с полной ясностью картина того, что здесь гот вилось.

В 10 числах октября началось наступление г нерала Юденича, и пал Ямбург. А за нескольк дней *до этого,* как оказывается из английских г зет, лондонские буржуазные газеты аршинным буквами писали уже, что через неделю-две Юдени будет в Петербурге.

План нападения на Петербург.

Теперь совершенно ясно, что план нападени на Петербург вырабатывался долгими неделями, может быть и месяцами, обсуждался в тиши каб нетов в Лондоне и Париже. И величайшие „светил буржуазной военщины принимали участие в выр ботке этого плана.

Все было обдумано до последней детали, все было взвешено, все было предусмотрено. И это шел на нас не генерал Юденич, а вся мировая реакция, весь европейский империализм, оставшийся в живых после тех громадных катастроф, какие переживал мир.

Агент английского империализма.

Юденич был только пешкой в руках английского министра Черчилля, Юденич и Родзянко были простыми агентами, исполнителями того, что задумали в Париже, в Лондоне, в Нью-Иорке представители империализма.

Вокруг Петербурга плетется сеть интриг в течение долгих и долгих месяцев. Петербург как нельзя более приспособлен и по своему местоположению и по своему историческому значению, чтобы служить точкой притяжения внимания всех империалистов.

Питер и буржуазия всех стран.

Петербург окружен Финляндией, Эстляндией, в которых буржуазия все еще стоит у власти. К Петербургу англичане могут подойти с моря, а вы знаете, что англичане теперь сильнее на море чем когда бы то ни было.

Петербург пользуется заслуженной ненавистью со стороны буржуазии всех стран, потому что наш Красный Петербург — первый город-бунтовщик, первый город, поднявший красное знамя, первый город, давший рабочему классу победу, первый город, который притянул к себе внимание рабочих всего мира. Вот почему против этого города-бун-

товщика интригуют все время палачи мирово[го] империализма.

Они задумали нанести удар с наибольши[м] эффектом, они хотели именно ко дню 2-ой годо[в]щины взять Петербург. Не так давно в бел[о]гвардейских газетах, издающихся в Ревеле и [в] Гельсингфорсе, писали, что нам с вами не праз[д]новать 2-ой годовщины в Петербурге.

Теперь, товарищи, вы видите, что мы праздну[ем] здесь 2-ую годовщину. (Аплодисменты). Еще [со]всем недавно, когда Детское Село было захвачен[о] бандой белогвардейцев, Родзянко отказался [взять] бинокль смотреть на Петербург, ибо, говорил он: „мы через два дня будем гулять в Петербурге". Я не знаю, где теперь гуляет Родзянко. Во всяко[м] случае где-то довольно далеко от Петербурга. [И] недалеко то время, когда его вся шайка сделае[т] последнюю „прогулку" на виселицу. (Аплоди[с]менты).

Русско-немецкий полковник.

Товарищи! Вокруг Петербурга плетется густа[я] сеть интриг. Нам с вами надо вдуматься в нее [и] понять основу этой „хитрой механики".

В Латвии имеется свой Юденич, там действуе[т] русско-немецкий полковник Авалов-Бермонт. По[д] крылышком у белых латышей он собрал шай[ку] белогвардейцев, как Юденич сделал это в Эстлян[]дии и Финляндии. И в решающий момент он на[] плевал на самостоятельность Латвии. И он, ка[к] вы знаете, взял силою оружия Ригу.

Английское и французское правительство де[]лают вид, что они недовольны Бермонтом и что они требуют отозвать немецкие войска, которы[е] помогают ему. С самого начала нам казалось подо[з]

[подоз]рительным, почему английской и французской [б]уржуазии стоять за отзыв немецких белогвардей[с]ких войск из Курляндии. Теперь ясно: это про[]стое шулерство.

Обычное шарлатанство.

Английские империалисты втирали очки английским рабочим и нам, изображая дело так, будто англичане и французы требуют, чтобы немецкие белогвардейские войска ушли.

На самом деле этим немецким белогвардейским войскам говорили: не уходите, готовьтесь идти на Петербург. Повторялась картина, которая была не так давно с Венгерской Советской республикой.

Английские империалисты посылали румынских белогвардейцев на столицу Венгрии: „идите, душите Венгерскую Советскую республику", а в то же время писали ноты, которые говорили румынам: не ходите на Венгрию, мы против этого... Обычное шарлатанство!

А когда румыны подошли к Будапешту и задушили Венгерскую Советскую республику, тогда только стало ясно, что англичане и французы именно это подготовляли. Такая же картина происходила и происходит теперь в Курляндии. И все это имеет целью свить веревку для нашего Петербурга. Одной рукой Бермонту писали ноты насчет того, что от него требуют известного невмешательства, одной рукой писали, что требуют отозвать немецкие белогвардейские войска, а другой рукой писали, чтобы он готовился и вместе с немецкими войсками пошел против нас.

И приятели Бермонта участвовали против нас.

Немецкие генералы—против нас.

Немецкие генералы участвовали в борьбе против нас. На это есть достоверные свидетельские показания. В деревне Ропше погиб начальник Ливенского полка генерал фон-Раббе, и я имею в Смольном доску, которая была прибита на могиле этого царского пса, когда он пал от нашей красноармейской пули.

Этот немецкий генерал явился к нам сюда под Петербург для того, чтобы помочь русским белогвардейцам взять нашу столицу. Все было сделано для того, чтобы против нас собрать возможно большее количество сил.

Немецкое правительство помогало белым.

Этот самый генерал или полковник Бермонт, который будто бы нарушает волю немецкого правительства, обращался с самыми любезными телеграммами к немецкому правительству. Игра шла тонкая. Немецкое правительство делало вид, что оно отзывает свои войска, посылало телеграммы, что оно требует, чтобы немецкие белогвардейские войска ушли в Германию. Но все это шито белыми нитками.

Немецкое правительство, состоящее, как известно, не только из буржуев, но и из господ социал-демократов, во главе с Шейдеманом и Эбертом, убийцами Карла Либкнехта, оно также помогало этой шайке. Оно писало приказы, в которых требовало, чтобы немецкие войска ушли назад в Германию, а в то же время подучивало немецкие войска идти против Питера.

Обращение Бермонта.

Генерал Бермонт обратился 7 октября со следующим радио к социал-демократическому, меньшевистскому правительству Германии. Я цитирую по газете русских белогвардейцев, издающейся в Берлине.

Он писал: „Германскому правительству. По просьбе образовавшегося 7 октября Центрального Совета Западной России я принял на себя задачу восстановления государственного порядка и спокойствия в освобожденных от большевиков частях Западной России.

Как представитель русской верховной власти, я не хочу упустить случая для выражения благодарности германскому правительству за несравненную помощь германскими войсками при защите от большевиков русских окраин. После ухода германских войск я принимаю на себя ответственность за порядок в занимаемых моими войсками областях. Особенное внимание обращаю на поспешную отправку германских войск. Я верю, что в борьбе с разрушающим весь мир большевизмом я встречу среди всех народов сочувствие, которое необходимо, чтобы устранить мировую опасность и обеспечить всем государствам мир, свободное развитие и спокойствие.

Авалов-Бермонт полковник.

Председатель сенатор граф *Пален*".

Германская „социал-демократическая" банда.

Товарищи, этот документ большой важности, который вам сразу показывает, кто шел против

нас. Против нас шли не только русские черносотенные царские генералы и офицеры, но и немецкие белогвардейцы, засевшие со времени старой войны под Ригой и Митавой. Против нас шли не только лондонское и парижское правительства, но и белогвардейские „социал-демократические“ банды, стоящие во главе Германской, с позволения сказать, республики. Вот кто шел против нас.

Это была не маленькая группа. Мы сначала не дооценивали сил своих врагов. Эта была значительная группа, и она была вооружена до зубов. Они имели пять танков, они имели очень большое количество пулеметов, они имели достаточное количество артиллерии и командного состава; генералов и офицеров было столько, что на каждых 5—6 солдат хватало одного офицера.

Первые успехи противника.

Вот почему противнику в первые дни выпал на долю успех. Надо отдать справедливость,—все было задумано достаточно хитро и тонко. Бдительность наша была усыплена, эстонцы как будто готовы были подписать с нами мир, нам казалось на одну минуту, что немецкие белогвардейские войска и впрямь отзываются назад в Германию. Удар был рассчитан на внезапность, и действительно, вначале, как вы знаете, это противнику удалось. Он дошел не только до Гатчины, но и до Красного и до Детского Села. Противник опьянел от успеха и мечтал о том, как через несколько дней он будет в Петербурге.

Петербургский градоначальник.

Финляндская и русская буржуазия в Финляндии укладывала чемоданы, собираясь сюда. Она, по ее

собственному признанию, переживала „петербургскую лихорадку“. Был назначен петербургский градоначальник генерал Владимиров; распределялись и другие должности. Я не знаю, какая лихорадка треплет этих господ теперь, когда Юденич улепетывает так, что его невозможно догнать. Во всяком случае, не лихорадка радости, которая была у них две недели тому назад.

Противник, дойдя до Гатчины, обнаружил себя во всей наготе. Мы были в Гатчине. Первое, что они сделали там, они сожгли до тла здание Гатчинского Совета, чтобы им ничто не напоминало, что существует на свете Советская власть.

Еврейские погромы в Гатчине.

Выяснилась еще следующая подробность. Господ русских белогвардейцев сопровождала американская миссия, которая ставила себе задачей кормить якобы наших детей. И первое, что она сделала, она разграбила наши детские приюты в Гатчин на что имеются точные протоколы. Когда белые заняли Гатчину, они устроили там еврейский погромчик. А граф Пален, глава бермонтовского правительства, выпустил в Гатчине листовку, где говорится: произошли еврейские погромы, очень жаль. Но это, вероятно, устроили большевики оставшиеся в Гатчине.

Таким образом Пален хотел двух зайцев убить: и погромчик устроил и, с другой стороны, ответственность на нас свалил. О белых булках и помину не было. Население Гатчины за все время пребывания там белых не получило ничего, кроме как по две селедки. Ни фунта хлеба! Даже железнодорожники. от которых зависел Юденич, не получили ничего.

Вот как шло дело.

Удар, нанесенный нами по Детскому Селу и по Павловску, решил дело. Белые банды покатились далеко. Первый испуг, вызванный появлением танков, прошел. Скоро красноармейцы разобрали, что танки против артиллерии не представляют ничего непреодолимого.

Безумная храбрость курсантов.

В белогвардейских газетах я с удовлетворением читал, как они писали о „безумной храбрости“ красных курсантов, в частности финских товарищей-курсантов, которые, по словам белогвардейцев, с ружьем на изготовке дрались против танков.

Товарищи, вы знаете, что враг попятился И в это время соседняя армия, 15-я армия, нанесла ему решающий удар. Я должен здесь перед петербургским пролетариатом принести горячую благодарность руководителям 15-й армии и красноармейцам 15-й армии, которые оказали Петербургу неоценимую услугу. Когда 15-я армия взяла Лугу. и стала выходить на линию Мшинской, белые пришли в панику и стали поспешным образом отступать. И с тех пор две армии—7-я и 15-я— в течение 3—4 дней преследуют по пятам белых, которые утекают так, что до сих пор мы не можем, как выражаются на военном языке, придти в соприкосновение с противником. Только издалека дальнозоркий красноармеец видит, как сверкают пятки господ русских и немецких генералов, утекающих от Петербурга. (Аплодисменты).

Опасность для Питера прошла.

Товарищи, непосредственная опасность для Петербурга прошла. И, как мы отдали себе отчет в том, кто подстроил это, так надо отдать отчет, *как, чем, благодаря чему* мы победили этот натиск?

Мы победили натиск, разумеется, прежде всего потому, что среди наших красных войск оказались, несмотря на нехватки, достаточно стойкие части. Но, товарищи, не только поэтому победили мы Победа зависела, прежде всего, от петербургских рабочих и работниц.

Когда белые подходили на 15 верст к Петербургу, когда они подходили к ст. Лигово, тогда, товарищи, дело зависело не столько от войск, сколько от настроения петербургских рабочих и работниц. Один момент колебаний, одна минута шатания, паники, и Петербург погиб бы, по крайней мере, на время.

Петербург держал экзамен.

Петербургские рабочие и работницы сдавали испытание.

Прав был один товарищ, который воюет пять лет, который проделал всю империалистскую войну и который сказал мне: „У вас, у петербургских рабочих, не нервы, а канаты, у вас железные нервы“ Да, это так. В самый опасный момент петербургский рабочий не дрогнул ни на секунду. Петербургский рабочий принялся укреплять свой город.

Мы воздвигли баррикады, проволочные заграждения. Войска, уходившие из Питера, чувствовали, что мы будем защищать каждый дом. Каждый думал не об эвакуации, а о защите своего родного города. И это решило дело.

Благодарность рабочим путиловцам и ижорцам.

Я должен здесь перед представителями петербургских рабочих принести особенную благодарность рабочим Путиловского и Ижорского заводов. Рабочие путиловцы, где остались главным образом старики, а молодежь ушла на фронты,—путиловцы работали над броневыми поездами и над артиллерией день и ночь в буквальном смысле слова. Был случай, когда броневой поезд, на ремонт которого потребовалось бы 10 дней в обычное время, благодаря героизму рабочих путиловцев, починен был в 4 часа. Так же работали и рабочие колпинцы с Ижорского завода. Они не знали ни дня, ни ночи, они делали все человечески возможное, чтобы давать против танков броневые поезда и броневики. И в первую минуту эти поезда и машины решили судьбу Петербурга. Петербургские рабочие—вот кто одержал главную победу над Юденичем.

Коммунисты идут на смерть.

Я должен дальше указать, как вели себя товарищи коммунисты. Я слышал от начальника дивизии, находившейся на самом опасном участке, следующее замечание:

„Товарищи коммунисты идут на смерть так, как шли бы на завод выполнять важное и трудное дело; не волнуясь, не рисуясь героизмом, идут умирать, защищая Советскую власть и рабоче-крестьянскую Россию“.

Вот, товарищи, что сказали о наших коммунистах, о тех сотнях, сотнях и тысячах рядовых рабочих, красноармейцах-коммунистах, которые, как

всегда, где было опасное место, были впереди, затыкали каждую дыру партийным мясом, в каждом трудном случае выступали первые, заражали энтузиазмом рабочих и крестьян, боровшихся против Юденича.

Я должен далее отметить *героизм матросов* Балтийского флота, которые за немногими исключениями в очень трудной обстановке держали фронт. Красная Горка, которая летом попала в руки противника, на этот раз не была потеряна, но она переживала очень трудные минуты, она пережила несколько жутких дней и ночей, когда в нее палили из 15-дюймовых орудий.

Мы не могли послать большой помощи гарнизону. Бывали многочисленные налеты аэропланов на крепость. Но ни на одну минуту никто не дрогнул. В общем и целом Красная Горка и форт Передовой (Серая Лошадь) вели себя геройски.

Вот, товарищи, кто спас Петербург.

Затем мы должны отметить, что, узнав об опасности, угрожавшей нам, стали торопиться на помощь провинциальные города Северной России: они прислали десятки и сотни лучших ответственных работников, которые шли на фронт в качестве рядовых. Москва прислала несколько тысяч курсантов и других отборных войск, которые сражались вместе с нами.

Советские работники, находящиеся в хлебных местах, посылали, отрывая последний кусок от себя, поезда с хлебом, чтобы мы могли кормить войска. Общим напряжением сил мы добились результатов, перед которыми сейчас стоим.

Мы обезопасили Петербург от нападения Юденича. Мы отбросили его и уверены, что в ближайшие дни от армии Юденича останется только воспоминание.

Роли эстонцев и финнов.

Говоря о последних событиях, я должен остановиться на роли эстонцев и финнов. Установлено точно, документами, что под деревней Гостилицы против нас стоял 4-й эстонский полк. Нам сообщали, что три эстонских полка отказались идти против нас. Но один полк они все же бросили против нас. Сейчас, когда я говорю перед вами, эстонская белогвардейская армия делает попытку нажима на Псков, чтобы спасти положение под Гдовом. Эстонская буржуазия играет опасную игру. Она отдавала отдельные полки как бы на-прокат Юденичу. Она хотела застраховать себя на оба случая жизни, на случай нашей победы и победы Юденича. Она хотела быть именинником и на Антона и на Онуфрия. Она играла на две стороны. Как бы не проигралась!

Ставка, которую ставили на Юденича, Ллойд-Джорджа, Клемансо, Черчилля—птицы большего полета, чем карлики из Ревеля,—эта ставка проиграна. Как бы не проиграли ревельские буржуа и свою ставку.

Если они нам бросят вызов, мы его примем и обезопасим себя от „добрых соседей", которые в любую минуту готовы спустить на нас стаю цепных псов—Юденича и Родзянко.

Питерские рабочие должны быть готовы к новой борьбе. То же должен сказать о Финляндии. Маннергейм был в Париже. Теперь он сломя голову спешит в Гельсингфорс. И по дороге шлет письмо президенту Финляндской республики: „Долго ли Финляндия будет ждать? Почему она не идет против Питера? Меня, Маннергейма, в Европе все спрашивали, когда же Финляндия исполнит свой долг, когда пойдет она против Питера?"

„Вся Европа" для Маннергейма — это кучка банкиров и Клемансо. Но вся Европа рабочая и солдатская—она в Стокгольме и в Париже встречала Маннергейма свистками. Маннергейм должен был пробираться закоулками, ибо рабочие встречали его враждебными демострациями.

Попытки Юденича.

Не исключено, что г. Юденич, прогнанный нами отсюда, поведет свои войска, посадит на корабли, переберется через Копорский залив в Бьерке, в Финляндскую гавань, и попытает счастье со стороны финской, откуда до нас всего 25 верст. Такая возможность есть. К этому мы также должны быть готовы.

Товарищи, против нас ополчились серьезные буржуазные силы—английский и французский капитал. Они так легко не откажутся от своей задачи. Они после первой неудачи не склонят головы, они попытаются с другого места на нас напасть. Надо быть готовым к этому. И наше военное командование готово к этому.

Надо, чтобы питерский пролетариат был готов. Если завтра или через пять дней придется встретить незваных гостей со стороны финляндской, будем стойки, бодры, уверенны и спокойны, как были тогда, когда враг прошел через Красное Село и стучался в Лигово. И победа будет за нами. Ибо на нашей стороне правда, на нашей стороне рабочий класс, а на стороне их—отребье, жалкая кучка буржуазии, по которой плачет веревка.

Потому-то они так и беснуются, что они чувствуют, что приходит последний момент их власти. Мы встретим теперь, если надо непрошенных го-

стей с севера гораздо более закаленными и подготовленными и организованными, чем это было, когда они шли из Эстляндии.

Вот почему я говорю: да, сегодняшний день мы победили Юденича, но это не значит, что борьба вокруг Петербурга окончена. Эта стая псов рыщет вокруг ворот нашего города, она не хочет примириться, что красный бунтовщик остался красным. Эта стая псов будет пытаться еще раз укусить нас и возобновить на нас поход.

Ни один работник с фронта не должен быть отозван.

Поэтому, мобилизация продолжается, работы по внутренней обороне продолжаются, *ни один работник с фронта не должен быть отозван*, пока Ямбург и Гдов не взяты нами и пока мы не убедимся, что финляндские и эстляндские буржуи посмеют замышлять против нас. Петербург должен помнить, что он стоит на особом посту, что это город на горе стоящий и вокруг этого города слишком много страстей бушует. Европейская буржуазия во что бы то ни стало попытается довести свое дело до конца. Будем на посту, будем помнить, что приходится стоять под ружьем и придется стоять не одну неделю или месяц. Будем помнить это. Тогда, товарищи, наш Красный Петербург останется незыблемым, останется постоянным стражем мирового пролетариата, мировой пролетарской революции.

Я говорил до сих пор на злобу дня, на тему о том, какие события происходили в последние дни и недели у нас. Но **эти события имеют не только злободневный характер, они имеют всемирно-исторический характер. Это великолепный**

итог двухлетней Советской власти. То, что происходило здесь, было борьбой двух миров, двух классов. Это была гигантская борьба между мировым пролетариатом и мировой буржуазией. Товарищи! 7 ноября 1918 года, год тому назад, произошли, как известно, события всемирно-исторической важности, произошла австрийская и германская революция. Правда, Германия, которая назвала себя социалистической республикой, за это время успела, благодаря социал-предателям, выродиться в республику буржуазную. Германскую коммунистическую партию обезглавили. Мы потеряли там наиболее видных вождей III Интернационала, мы потеряли Карла Либкнехта и Розу Люксембург. Германскую партию коммунистов распинают на всех перекрестках, все тюрьмы полны, за малейшее коммунистическое слово социал-предатели меньшевики в Германии расстреливают направо и налево. Тем не менее и там зреет дух борьбы, там, в Австрии, мы видим, что партия закаляется в борьбе. Рабочий класс теряет последние иллюзии, теряет доверие к буржуазии, к социал-предателям и группируется вокруг наших товарищей коммунистов. Потребовался опыт очень жестокой и трудной борьбы. Но массы людей, миллионы иначе не учатся, как на собственных уроках, на собственных ошибках.

За истекший год кончилась мировая империалистическая бойня. За этот год был заключен Версальский мир. **Мне кажется, что ничто так не подтвердило правильности наших взглядов, как этот Версальский мир.**

Конец венчает дело. Этот версальский конец достойно увенчал разбойничье дело империалистов, которые превратили Европу в мировое кладбище, залили мир кровью. Товарищи! Если были люди

сомневающиеся, не понимающие, если были темные, отсталые рабочие и крестьяне, которые не знали, что происходит на белом свете, то теперь, когда кончилась война, когда догорели огни, кончились пышные парадные фразы и заключен этот подлый мир,—теперь и слепому ясно, из-за чего люди воевали в течение четырех лет: из-за того, кто будет угнетать такой-то народ, издеваться над такой-то колонией. Ясно, что вся война была сплошным, небывалым в истории, вопиющим преступлением против человечества. Всякому ясно, что вся империалистическая война была продиктована исключительно интересами наживы, интересами кошелька. И, товарищи, человечество так это и поняло. Человечество, к счастью, несошло еще с ума. Оно сделало правильные выводы из жестокого урока, который получило за эти четыре года войны.

Посмотрите, что делается кругом. Мы не знаем и сотой части того, что происходит в Европе и в Америке. Везде стачечное и повстанческие движения. В Америке бастует около миллиона шахтеров, в Англии была грандиозная железнодорожная забастовка, в Италии нет профессии, где бы рабочие не устраивали несколько раз всеобщие забастовки.

И то же происходит во Франции, в стране, где сидят Клемансо и компания.

Товарищи, на-днях мне попалась распространенная буржуазная бульварная парижская газета. И там помещена следующая крайне характерная карикатура. Изображена парижская мерия, районная управа. Рабочий пришел получать какую-то справку. Он стоит перед чиновником, который склонился и пишет справку. Чиновник задает формальные вопросы: сколько лет, где родился и т. д.? Наконец чиновник доходит до вопроса: „А ваша

профессия?“ Рабочий отвечает: „Моя профессия? Я стачечник, как все французские рабочие“.

Эту карикатуру помещает французский буржуазный листок. Когда на нее смотришь, хочется сказать: „Над кем смеетесь, господа французские буржуа? Над собой смеетесь! Вы довели дело до того, что в вашей хваленой демократической республике профессией каждого рабочего стала стачка“. И когда французские рабочие устраивают стачки, они всякий раз неизменно провозглашают: „Да здравствует Советская власть в России! Не смейте вмешиваться в русские дела, уберите грязные руки от России!“

Нам, конечно, приходится тяжело от того, что английский и французский капитал смеет вмешиваться в наши дела. Но вместе с тем то обстоятельство, что они вмешиваются в наши дела, служит, как свидетельствуют английские и французские коммунисты, лучшим возбудителем против них и ускоряет революцию во Франции и в Англии. Ибо французские и английские рабочие видят, за что они идут на Россию. Почему они не хотят примириться с тем, что в России стоят у власти рабочие и крестьяне.

И прозревают самые слепые английские и французские рабочие и крестьяне.

За этот год мы изжили одну опасность: английские и французские капиталисты не могут открыто послать сюда своих миллионных армий, не могут открыто произвести так-называемую интервенцию. Они вынуждены это делать крадучись, как мелкий воришка. Они не скажут открыто, что это они из 15-дюймовых палят по Красной Горке. Они говорят, что это делают русский белый флот, эстонцы, Юденич и т. д. Им ничего не остается, как лгать направо и налево. Три недели их газеты были

полны самой неслыханной лжи. Они писали, что часть Петербурга они уже захватили, что Деникин стоит под Москвой, что Колчак в Самаре и т. д. Они не могут открыто сказать английским и французским рабочим то, что есть. А английский и французский рабочий не бессловесный скот, он интеллигентнее и образованнее многих из нас. Английский и французский рабочий отлично понимает их игру, рабочий сдирает маску с них, бросает ее им в лицо. На всех конгрессах, съездах, во время миллионных стачек, потрясающих весь буржуазный организм, во всех этих стачках красной нитью проходит одно требование: невмешательства в русские дела и лозунг „за Советскую власть". Этот лозунг гремит во всем мире, всюду находя себе многотысячное, многократное эхо. Всюду подхватывают его рабочие и крестьяне, в самых различных уголках Европы и Америки.

За этот год, товарищи, что мы с вами прожили, за этот год борьбы и испытаний произошло еще одно не последнее, а первое по важности событие— за этот год *родился Коммунистический Интернационал*, за этот год родилась международная организация рабочего класса. Идея III Интернационала была брошена давно. Но, товарищи, одно дело провозгласить идею, а другое дело облечь ее в плоть и кровь. Теперь мы видим, что Коммунистический Интернационал из идеи превратился в факт. За это время Коммунистический Интернационал стал великой державой. Он насчитывает около полутора миллионов организованных членов. Всюду, где живут и борются рабочие, есть коммунистические партии. Десятки партий входят в III-й Коммунистический Интернационал.

Сейчас все, что есть честного, боевого, благородного в рабочем классе, сплачивается именно

вокруг Коммунистического Интернационала, который стал великой державой. Когда-то Маркс говорил о I-м Интернационале, Международном Товариществе Рабочих, что в течение первого десятилетия Интернационал правил одной стороной мировой истории. Не пройдет и года, самое большее двух лет, и мы сможем сказать, что III-й Интернационал является хозяином мира, управляет не одной только стороной мира, не одной частью земного шара, а станет настоящим вождем всего мира.

Вот события, которые произошли за этот год.

Нашему Красному Петербургу за этот год пришлось испить тяжелую чашу до дна. Нашему Красному Петербургу за этот год, за эти 12 тяжелых, но полных исторического смысла, месяцев не раз пришлось жить под угрозой. Кто не помнит того момента, когда Красная Горка была взята? Кто забудет недели, только что истекшие, которые навеки запечатлеются в душе каждого из нас? Эти осенние сумрачные дни, когда каждый думал тяжелую думу о том, устоит ли родной Петербург, не ворвется ли банда Юденича? Когда мне случалось ездить в эти дни по рабочим заставам, по Нарвской, например, заставе, и видеть это сплошь рабочее население, я думал, сколько будет жертв, сколько рабочих, работниц, их детей погибнет, если даже хоть на 24 часа эта стая разъяренных псов ворвется в город!

Много таких тяжелых дней и недель было за этот год, много страданий, лишений, холода и голода пришлось нам испытать. Каждый из нас, кто прожил этот год, состарился на десять лет. Мы можем с гордостью сказать, что, несмотря на все это, мы ни на секунду не дрогнули, не отказались от исполнения своего долга.

Мы первые бросили идею партийных недель, которые прошли по всей России. Это не только партийное дело, это, товарищи всемирно-историческое дело. Партийная неделя в Москве, происходившая тогда, когда Деникин рвался на Тулу, дала 15 тысяч новых членов. Это всемирно-историческое событие, более важное, чем какие-угодно великие битвы в империалистической войне. *В эти тяжелые дни, когда Юденич был в Красном Селе, в петербургскую организацию записалось около пяти тысяч новых членов.* Это также величайшее историческое событие. Это показывает, что чем труднее нашей партии, тем больше душа рабочего рвется к ней. Как бабочка на огонь, так рабочий льнет к нашей партии, берет на себя бремя партийных обязанностей и не только не уклоняется, а именно в этот трудный момент идет в наши ряды. Это как нельзя более характерно для рабочего, для класса пролетариата, для тех людей, которые ничего не могут потерять, кроме своих цепей.

Да, когда партии становится тяжело и когда некоторые сомнительные друзья и попутчики начинают поглядывать на дверь, как бы во-время порвать партийный билет и унести ноги, тогда настоящий пролетарий идет в партию, тогда учащенно бьется его сердце. Он говорит: *моей* Советской власти тяжело, и я именно теперь пойду в ее ряды.

И честь и слава тем товарищам, которые в Москве и в Петербурге пришли к нам в тяжелое время и показали, что жив рабочий класс России, жив революционер, что он готов на борьбу и будет грудью отстаивать наш город.

И вспомним другие моменты. Вспомним отправку на фронт Южный. Стало тяжело на Южном фронте, поколебалось положение там, и Петербург, разоренный, голодный, отправивший десятки, а может быть и сотни тысяч своих сынов на разные фронты, этот Петербург опять бросается первым вперед и говорит: на Юге плохо, что же, пошлем туда наших лучших людей, дадим туда десятки и с[illegible] лучших наших людей, поможем Москве и ост[illegible]ной России! Отправим туда лучших работников, пусть они вольют свежую кровь в нашу армию! И мы отправляли сотни работников. И то же вслед за нами делает Москва и другие города.

И армия на Юге пошла вперед, взяла Орел, Воронеж, подвигается к Курску. Петербург — великое слово. Мы слишком сами участвуем в будничных событиях и не сразу отдаем себе отчет в той грандиозной работе, какую мы выполняем. Без всякого преувеличения можно сказать, что Петербург — это любовь Советской России. Ни один город не пользуется такой любовью, как Питер.

Товарищи, когда нам было голодно, несколько месяцев тому назад, Петербургский Совет послал телеграмму с просьбой помочь хлебом. И для меня получилось затруднительное положение. Как только стала известна эта моя телеграмма, *все* поезда с хлебом, находившиеся на пути, повернули в Петербург. И мне довелось по этому поводу выслушивать справедливые выговоры со стороны московских товарищей, которые говорили: Петербург голоден, но ведь и другие города голодны.

Этот факт показал, что такое Петербург для Советской России. Петербург есть тот город, который любят рабочие и крестьяне даже часто подсознательно, сами того не соображая, и это по всей России. Товарищи, приехавшие с разных

фронтов, рассказывали картину того, как целые полки требовали обязательно отправить их на Петербургский фронт. Многие рвались сюда. Был случай такой: сормовские дезертиры, скрывавшиеся в лесах, прислали делегацию, которая говорила: разрешите собрать всех сормовских дезертиров и идти защищать Красный Петербург.

Как только вопрос об опасности для Петербурга встал вплотную, все почувствовали, какой это удар был бы для нас. За эти три недели, когда французские биржевики писали аршинными буквами, что Питер взят, когда предвкушали, что в Питер войдут банды Юденича, в это время, можно сказать уверенно, лучшие рабочие всех стран, затаив дыхание, ждали и прислушивались: а что же будет под Питером. И лучшего подарка всему Интернационалу, рабочим всего мира, мы не можем сегодня преподнести, как короткое сообщение товарищам французским, немецким, английским, итальянским, американским рабочим: *Петербург вне опасности*!

Не верьте, товарищи, иностранные рабочие, сказкам, Петербург устоит, Петербург не победит никто. Никто никогда не возьмет Красный Петербург, пока в нем живет и борется питерский рабочий, пока хотя один десяток тысяч пролетариев останется в Петербурге.

Мы встречаем вторую годовщину при обстановке, можно сказать, открывающей самые радужные надежды в международном и общероссийском масштабах. В общероссийском масштабе вы видите, что главная карта реакции Колчака бита. Три месяца тому назад все кумушки шептали: Колчак идет, Колчак приближается, Колчак придет. Все они надеялись, что Колчак спасет их. Он был признан „верховным правителем“ всей Руси,—звание, которым наградили его французские и английские короли, которое формально принадлежит ему и сейчас. Теперь Колчак „был да весь вышел“. Мы идем в столицу Колчака — Омск, осталось 150 верст до Омска, ни одной укрепленной позиции нет; он бежит в Иркутск, ему не помогли ни танки, ни чехо-словаки, ни английские миллиарды, ни меньшевики, ни с.-р., которые имели глупость и подлость его поддерживать. Этот палач разбит.

Второй противник, Деникин, месяц тому назад казался страшным. Все на ушко шептали друг другу, сообщая, что вот Деникин идет, вот Деникин приехал. Этот Деникин теперь отступает, мы его бьем, наша конница берет его солдат в плен каждый день, он откатывается и скоро побежит, как побежал „верховный“ покровитель его—Колчак. То же самое случилось и с Юденичем. Близка минута, когда гражданская война кончится. На вопрос о том, когда она кончится, у нас, у революционеров, не может быть другого ответа, как тот, что *гражданская война кончится тогда, когда кончатся Юденич, Деникин и Колчак*. (Аплодисменты). Тогда, когда мы разобьем последнюю банду белогвардейских палачей, которые еще мечтают повернуть колесо истории назад, которые мечтают вернуть эполеты, власть, землю, доходы.

Советская республика встречает 2-ую годовщину в обстановке благоприятной, когда положение на фронтах можно назвать блестящим, когда мы справляемся с разрухой. Рабочий класс, можно сказать, *как один человек*, сплотился вокруг Советской власти. Это показала партийная неделя, неделя защиты Петербурга. Крестьянство, больше, чем когда-либо, сплотилось вокруг Советской власти. Крестьянские бунты как рукой сняло, крестьянство

в армии закаляется для того, чтобы под руководством передовых рабочих идти в последний бой.

Международные перспективы не хуже. Международная революция идет вперед быстрыми шагами. Мы за год потерпели некоторые неудачи. Погибла Венгерская Советская республика. Наша младшая сестра, которая гнездилась на маленькой территории, которая окружена была со всех сторон врагами, она на время погибла. Но венгерский рабочий класс поднимается снова, так же, как и баварский, и устраивает новые стачки, восстания. В сегодняшний день мы шлем привет нашим братьям венгерским коммунистам во главе с их вождем Бела-Кун. (Аплодисменты). Мы говорим: товарищи, мужайтесь, и у нас были разгромы, у нас были июльские дни, но мы встали на ноги и теперь вместе с рабочими говорим: Венгерская Советская республика на время погибла, да здравствует Венгерская Советская республика. (Аплодисменты).

Мы видим, как идет и крепнет международное пролетарское движение. Недавно состоялся съезд итальянской рабочей партии, на котором громадным большинством победили коммунисты, на котором открыто обсуждался вопрос о технической подготовке к восстанию, спорили по вопросу—сегодня или завтра, через неделю или через четыре недели назначить восстание в Италии. Италия полыхает в огне стачек и демонстраций.

Таково же положение в Париже. На громадных рабочих собраниях при слове „Совет“ раздается взрыв аплодисментов. И всякого, кто смеет сказать хоть одно слово против Советов, сгоняют с трибуны, объявляют изменником. Лучшие рабочие Франции гордятся нами. На всех празднествах и торжествах главный лозунг, это—„Советы“. Главное требование во Франции—поддержка Советской республики.

В Америке, в Англии, в этих твердынях капитализма, вы видите миллионные стачки. Это события неслыханные, небывалые ни для Англии и Франции, ни для Америки. Останавливаются железные дороги, и Вильсон почему-то периодически теряет рассудок и каким-то образом опять пытается его обрести. Всюду в самых некогда могучих странах капитализма мировая революция идет семимильными шагами. У нас всюду есть друзья.

Два года тому назад мы действительно были как будто одиноки. Вокруг нас бурлил океан враждебных страстей. У нас был миллион врагов и не было, казалось, ни единого друга. За эти два года мы пережили многих врагов. Все эти господа гибли и погибнут окончательно если не завтра, так послезавтра. Все эти правительства Скоропадских, Маннергеймов и многих других германских, французских, английских, американских правителей мы пережили и переживем последних буржуазных правителей. Потому что на их стороне развращенный, умирающий, гнилой класс капиталистов, который обожрался прибылями, напился кровью рабочих всех стран в течение четырехлетней империалистской бойни. А на нашей стороне весь народ, могучий молодой рабочий класс, который восходит к власти, как восходит звезда, которая будет сиять всему человечеству. На нашей стороне десятки миллионов людей.

Вот почему мы победим. Мы полны веры в победу. Посмотрите на Петербург. Разве это не эмблема? Мы два дня тому назад строили баррикады, а сегодня мы покрываем Питер красными знаменами. Этот символ: на баррикадах, с винтовкой в одной руке и с красным знаменем в другой руке, мы будем продолжать борьбу, окруженные симпа-

тией рабочих всех стран, и доведем борьбу до конца.

Да здравствует великий город, Красный Петербург! (Продолжительные аплодисменты). Да здравствует самый славный из городов мировой пролетарской революции Красный Питер! Да здравствует слава наша — петербургские рабочие! (Аплодисменты). И да здравствует будущий владыка мира — великий Коммунистический Интернационал! (Продолжительные аплодисменты. Крики: „ура!“).

РЕЧЬ
тов. ТРОЦКОГО

на объединенном заседании В. Ц. И. К. 7 ноября 1919 г.

Петербургскому пролетариату на память об октябрьских днях 1917—1919 годов посвящаю.
Л. Троцкий.

Речь тов. Троцкого,

произнесенная на об'единенном заседании В. Ц. И. К. 7-го ноября с. г.

Каменев. Слово принадлежит т. Троцкому.

Троцкий (встречен аплодисментами). Товарищи. Позвольте начать с сообщения, которое только что пришло к нам из Петербурга от т. Зиновьева: 7-я армия вместе с соседней 15 армией—эти две армии, которые ведут борьбу против белых банд Юденича—успешно продвигаясь вперед, передали в наши руки единственный в сущности город, который служил опорным пунктом Юденичу,—город *Гдов*. Если вспомните, товарищи, что недели 4 тому назад наше военное положение не только казалось, но и было весьма угрожающим, то можно сказать, что за последний месяц красная армия на всех фронтах сделала большие успехи.

Как раз к юбилейному нашему празднику, вчера и сегодня, красная армия вернула нам Чернигов, Севск и Гдов.

На важнейшем фронте, на Южном, мы еще не сделали главного дела, мы еще не сокрушили основного ядра деникинских войск, но мы уже сильно ущемили это ядро. Наступления противника более нет, если не считать отдельного продвижения на небольших участках; наоборот, отступление

Деникина совершается на огромном протяжении, и о причинах этого, с естественной и законной тревогой, спрашивает себя англо-французская печать. Что стало с Деникиным? спрашивает себя английский и американский радио, кто его, так сказать, сглазил,—этого победоносного недавно Деникина. Они кое-чему научились в течение этих двух лет эти господа, они видали, как Колчак, который был уже почти миропомазан всеми биржевиками и ростовщиками обоих полушарий, как этот Колчак, протягивавший руку к Москве, великолепно откатывается на восток и, по имеющимся у нас известиям, резиденцию свою перенес из Омска в Иркутск,—ближе к своим собратьям биржевикам Токио и Нью-Иорка.

Хороши наши дела и на Северо-Западе. Как раз у порога второй советской годовщины разразился удар из того угла, откуда мы как бы перестали ждать удара,—я говорю о северо-западной армии, армии Юденича, которого товарищ Демьян Бедный, с основанием ли или без основания, считает потомком Иуды. У Юденича почти не было тыла, этим он был слабее двух других кандидатов: Колчака и Деникина. Но у него была обильная помощь Антанты, он был наиболее близок, наиболее доступен с моря, он опирался на вновь образовавшиеся Прибалтийские страны. После своего майского наступления Юденич был нами отбит,—отбит, но не добит. В тиши, на эстонской территории, при поддержке в первую голову Англии, он восстановил свои силы и начал наступление. Работа у нас шла в высшей степени напряженная, мы были заняты Деникиным и вынуждены были, чтобы охранять пути на Тулу и Москву, ослабить 7-ю Петербургскую армию. Как раз к тому моменту, когда на юге наши дела стали лучше и непосредственная

опасность Туле и Москве миновала, разразился удар Ямбурга на Петербург. Дело было поставлено так, что к вопросу о Петербурге как бы приковались все надежды, аппетиты и вожделения всех наших врагов. Как бы к этому вопросу приковался вопрос о судьбе Советской власти. На самом деле это не так, и сейчас, когда опасность Петербургу миновала, мы можем с уверенностью сказать, что, если бы мы даже временно сдали Петербург, мы бы, конечно, не погибли. Но буржуазные классы всех стран, которые боролись с нами в течение двух лет и с нетерпением дожидались нашего падения, они—в тот момент, когда им показалось, что Петербург будет в их руках—сказали себе: это начало гибели Советской власти—от Петербурга путь недалек на Москву. Они так много связали с походом на Петербург, так сильно приковали к этому походу внимание всего мира, что наша удача явилась для них подлинной катастрофой.

У меня под руками имеются интересные и поучительные свидетельства буржуазной, главным образом, скандинавской печати, и из этих свидетельств видно, как тщательно подготовлялся и с материальной и с идейной стороны—если могут быть названы идеями слова лжи, травли, клеветы,—как тщательно подготовлялся последний поход Юденича. Финляндская буржуазная газета в номере от 15 октября рассказывает о том, как долго и тщательно подготовлялся поход на Петербург, как велика была уверенность в успехе. Они мобилизовали все, что могли мобилизовать: эстонские и ингерманландские части, английский флот, армию Юденича, подкрепив его отборным батальоном „светлейшего князя“ Ливена, как он именуется в приказах, а также и части, снятые с Архангельского фронта. Все эти отборные в своем роде части: во многих во главе каждого

звена стоит офицер, т-е. на семь-восемь человек солдат один офицер, при каждом шаге солдата назад, он немедленно убивается на месте.

Преимущества, которые были в борьбе против нас у войск буржуазной контр-революции, те, что они были превосходно обеспечены всем необходимым и, разумеется, имели с технической стороны больше возможностей, чем мы. Кто привез эти легионы из-под Архангельска? Конечно, английский флот. У Юденича оказались танки. Кто привез эти танки? Англия. Кто управлял этими танками? Квалифицированные английские специалисты военного дела. Кто обстреливал из тяжелых орудий Красную Горку? Английские суда, мониторы, вооруженные 15-ти-дюймовой артиллерией — последнее слово морской артиллерийской техники, введенное только в 1916 году. Наши матросы отстаивали Красную Горку под этими страшными снарядами. У меня здесь под руками есть сообщение по радио о том, что Красная Горка должна быть взята сегодня или завтра, есть сообщение о том, что Кронштадт пал под ударами с английских мониторов. Они думали, что наши моряки не выдержат обстрела 15-ти дюймовой артиллерии, но наши матросы выдержали, и Красная Горка и Кронштадт крепче в наших руках, чем когда бы то ни было.

Повторяю, они подготовлялись к этому походу, они ждали его, они жаждали этого решающего момента. В первых числах октября, еще до удара Юденича на Ямбург, одна из буржуазных английских газет писала, что на-днях *предстоит* наступление Юденича на Петербург, которое будет решающим—это до нас тогда не дошло, мы получили газету с запозданием. Разумеется, эта английская газета выдавала военную тайну, но им так не терпится обещать, предсказать ниспровержение

Советской власти, что они делают это даже с нарушением собственных военных интересов. Английские империалисты типа Черчилля слишком связали свою судьбу с судьбой интервенции и на Черчилля напирает отчаявшаяся буржуазия, говоря: ты ухлопал на походы русской буржуазии два с лишком миллиарда франков—это чисто военные расходы английского империализма—и эти расходы ничего не дали, кроме укрепления военной мощи русской красной армии. Он, Черчилль, отвечал: „погодите еще, вот неделю, две недели, три недели, и генерал Юденич сделает то, что не сделал обманувший нас Колчак и чего не доделал Деникин. Он возьмет Петербург, и там в Петербурге он первым делом начнет формировать могущественную армию для наступления в глубь России. Об этом плане говорит шведская газета до начала похода: решающий краткий удар на Петербург, захват Петербурга, обеспечение базы, формирование и затем удар из Петербурга на Москву. Все было тщательно подготовлено. Правда, Англия хотела, чтобы удар шел одновременно с двух сторон, со стороны Эстонии и со стороны Финляндии. И в течение октября вся английская печать науськивала Финляндию, например, английская газета „Таймс" писала в своей передовой статье о „нравственном долге" Финляндии участвовать в разбойничьем походе, о том, что это поднимет ее международный авторитет. Эта могущественная Англия, в руках у которой все милости и все кары, она применила всю силу материальных угроз и посулов для того, чтобы вовлечь Финляндию в авантюру на помощь Юденичу. Финляндия колебалась и шаталась все это время, она не решилась до сих пор, и разгадку этой нерешительности мы находим в финской буржуазной прессе. Здесь

у меня есть интереснейшее свидетельство о росте и возрождении коммунистического движения Финляндии. Вот что говорит газета „Кариала": „До последних месяцев, говорит газета, большевистские газеты распространялись у нас подпольно, издания приходили из Петербурга, но за последние месяцы наша рабочая пресса взяла чисто большевистский тон. Есть целый ряд легальных изданий, которые прямо и открыто угрожают революцией в случае наступления на Советскую Россию!" Вот, товарищи, важнейшее обстоятельство, которое связывало финскую буржуазию по рукам и ногам. Мы, правда, читали радио о том, что вопрос „решен" и что генерал Маннергейм уже едет из Европы в Финляндию, и затем вдруг снова перемена. Генерал Маннергейм раздумал, финская погода вредно влияет на его подагру, он остается в Париже. (Смех). Так он и пребывает в Париже до настоящего момента. И то, что дал петербургский пролетариат и дала армия в эти критические дни, позволяет нам с полной уверенностью сказать, что и при наступлении Финляндии мы удержали бы Петербург. Теперь, после того, как Юденич отброшен, тем более наступление маннергеймцев нас не страшит. Но, разумеется, мы все глубоко заинтересованы в том, чтобы Финляндия не наступала. Те шаги, которые делала наша Советская дипломатия, конечно, диктовались реальными интересами и реальными соображениями, а не симпатиями к финляндской буржуазии. Никогда мы на этот счет не вводили в заблуждение никого,—ни друзей, ни врагов. Но поскольку интересы финляндской буржуазии требуют, если вообще история еще обеспечит за ней известную эпоху существования,—интересы финляндской буржуазии, говорю, требуют, чтобы страна, которая рас-

стилается в расстоянии одного или двух переходов от такого важнейшего центра нашей страны, как Петербург, чтобы эта страна в лице своих правящих буржуазных классов сказала себе, что она не просунет своей головы в ту щель, куда ее пихает англо-французский империализм, ибо ясно для самого тупоголового выборгского мещанина, что мы не можем жить год за годом под постоянной угрозой того, не решится ли генерал Маннергейм или кто другой „взять" у нас Петербург. Поскольку Финляндия самостоятельна, а мы открыто и честно, без задней мысли, ее самостоятельность признали,—постольку за эту самостоятельность, за ее существование, как страны, несет прямую ответственность стоящая сейчас у власти финляндская буржуазия. И мы, считаясь с тем, что история прокладывает свои ходы и в Финляндии, делаем свое собственное дело внутри нашей страны, и финский пролетариат не требует и не потребует от нас вооруженного вмешательства, ибо понимает, что такое вмешательство принесло бы только вред делу финляндской революции в настоящую эпоху. Вот чем объясняется возможность *мирных* отношений, мирного сосуществования между нами и Финляндией. Но, с другой стороны, повторяем, город, в котором сейчас еще есть не один десяток тысяч работников и работниц, город, который ослаблялся, обескровливался, но остается попрежнему превосходнейшим очагом революционной энергии, этот город не может жить под Дамокловым мечом наступления со стороны Финляндии, и если бы чаша весов склонилась в сторону вмешательства финляндской буржуазии, чего мы не хотим,—то мы на этот раз сказали бы себе, что дело нужно доделать до конца.

ствуют только пулеметами и орудиями, и в полевой войне их значение не велико, но самая форма их, способ передвигаться, ореол, которым окружены эти танки, произвели сразу большое впечатление на наших солдат, вызывая нередко настоящую панику. Новое техническое средство, танки, умелый командный состав, офицер на каждое звено, особенно в баталионах „светлейшего князя“ Ливена, в лучших ударных частях,—и все это при выжидательной расслабленности у нас— вот общие предпосылки этого похода, который дал основание контр-революции утверждать, что она войдет в Петербург не позже конца октября— начала ноября. Однако, они не учли того морального фактора, которым располагает наша армия в лице передовых рабочих, в лице коммунистов, нашей великой способности мобилизовать дух армии, поднять и напречь ее волю в короткий срок.

Такой способности не имеет,—это мы можем сказать с уверенностью,—ни одна армия в мире. У нас есть много недостатков и недохваток, и мы стараемся их устранить. Мы теперь соорудили даже и танки, которые действовали против Юденича и действовали с большим успехом. Это произвело громадное впечатление на нашу красную армию. Наши красноармейцы с радостью говорили: „у нас есть теперь своя Танька на фронте“. Но все же у нас очень много своих технических прорех, и бывают случаи, когда нам то там, то здесь приходится эти прорехи затыкать мочалкой. Но зато у нас есть наш незаменимый, надежный, необманный аппарат пролетариев коммунистов Наших коммунистов—командиров и комиссаров— не могут заменить Юденичу те офицеры, которых так много в главных его частях. Эти офицеры, конечно, способны на героизм. Там было не мало

истреблено их, таких офицеров Юденича, в жестоких боях,—но это все же представители мелкобуржуазной интеллигенции: они способны на порыв, легко окрыляются при успехе, но после первой же неудачи падают духом. Совсем другое дело московские и петербургские пролетарии: чем их больше бьют удары судьбы, тем они делаются крепче. (Аплодисменты). Теперь мы это проверили снова. Каждый раз, когда такое испытание взваливается на нашу сторону, мы снова и снова убеждаемся в крепости пролетариата. Глядите на Петербург... Сколько мы выкачали работников из Петербурга, сколько их погибло на всех фронтах, но тем не менее Питер выдвинул новые тысячи в час опасности, которые не дали врагу опрокинуть себя. Задачу обороны Петербурга мы разделили на 3 части: противник находился под Пулковскими высотами, там боролась полевая армия, она, откатившись, пришла в небоеспособное состояние, и ее нужно было укрепить, перегруппировать, закалить. Но с другой стороны, если бы полевая армия сдала все же свои позиции и Юденич ворвался бы в Петербург, то мы решили весь Петербург превратить в один боевой лагерь, где каждый район, каждый сектор пришлось бы брать с боя. Петербургских работников разделили на две группы. Одни были привлечены на линию боя восстановлять части 7 армии, а другим было сказано: укрепляйте город, стройте окопы, создавайте дружины, собирайте пулеметчиков, гранатчиков, создавайте отряды, находите подходящие дома, устанавливайте там посты, занимайте подвалы, снабжайте работников или работниц оружием и гранатами, пусть они встретят достойно врага, если бы тот прорвался на несколько часов. В течение нескольких дней мы разделили город на районы, разделили районы

на отсеки, организовали и распределили дружины, произвели необходимые укрепления, — и если бы белым пришлось ворваться в Петербург, то им пришлось бы грызть зубами каждый квартал, каждый сектор, каждый район. Если бы боевая армия и отступала, то это не значило бы, что Петербург сдан. Это значило бы только, что борьба переносится на улицы Петербурга, и здесь, на улицах Петербурга—мы не сомневались в этом—мы истребили бы армию Юденича до конца. Но до этого дело не дошло. Взятие Детского Села и Павловска было последним успехом Юденича. 21-го наступление его задержалось. 22-го мы перешли в наступление. 23-го мы взяли Детское и Павловск. Через несколько дней Красное. Уже взятие 2—3 первых деревень нами имело решающее значение. Оно показало, что 7 армия возродилась, что в ней появилась упругость и цепкость, что в ней нет того безволия, которое появилось, когда она была неожиданно отброшена от Ямбурга и отступала назад. Задача наша состояла в том, чтобы добиться перелома настроения. Гатчина была взята противником путем искусного ночного налета. Ничтожная часть, может быть одна рота,—это еще не выяснено,—пробралась в парк и открыла ночью стрельбу и этим создала панику. Искусством квалифицированных партизан враг использовал эффект неожиданности. Одна рота произвела величайшее замешательство... Надо было во что бы то ни стало заставить наши части встряхнуться, нужно было каждого солдата заставить понять, что враг слаб, а мы сильны, надо было показать красным белых, нужно было вдохнуть уверенность в своей силе в каждого члена армии,—и это произвел петербургский и московский рабочий. Нужно было показать, что танки это не больше, как железный

ящик, в котором сидят несколько человек, вооруженных всеми теми средствами, которыми вооружены обыкновенные пулеметчики и артиллеристы, и в этом нам могли помочь только живые силы, вновь прибывшие из Москвы и Петербурга, которые, появившись, сделали сразу свое огромное дело. А когда они взяли две-три первые деревеньки, то вопрос был решен, потому что нас было больше, а вооружены мы были весьма недурно и хотели сокрушить врага.

Перелома мы добились. Через несколько дней уже из среды противника появились пленные, даже перебежчики,—а в дни нашего отступления их не было, именно потому, что 7 армия непрерывно отступала. Перелом совершился. Этот факт, товарищи, нам доводилось наблюдать не раз на наших фронтах, когда та или другая наша армия, импровизированная, то-есть в короткий срок более или менее самодельным путем созданная, мало сколоченная, когда она теряет как будто свое боевое отличие, теряет самообладание — именно в силу того, что ей не хватает сноровки, выучки, не хватает иногда надлежащего командного состава,— она как будто расшатывается, почва из-под ног ее уплывает, но в эту армию достаточно влить только известное количество мужественных пролетариев, которые твердо сговариваются: погибнуть, но не отступать, и перелом наступает. Это тот новый фактор войны, которого не знали старые армии империализма и которого до сих пор не поняла английская биржа — этот новый наш собственный революционный танк, — московский и питерский пролетарий, делает чудеса. (Аплод.). Этот танк преодолевает все затруднения. Нужно только, чтобы он ясно понял, что *опасность велика*. В этом вся суть. Когда, товарищи, у нас бывают

неустойки на фронте, питерский и московский рабочие говорят о себе иной раз: „Ничего, справятся, не раз там справлялись“... И выходит нередко беда, но когда он сам понимает, что опасность велика, что опасность непосредственна, тогда он всегда найдет где-то под спудом у себя неизрасходованные силы, и эти силы оказываются каждый раз больше, чем все те силы, которые он расходовал предшествующий раз. И эта борьба под Петербургом имела для нас значение двойное: с одной стороны, биржа поставила на карту Юденича большую ставку, она обязалась, что это наступление будет иметь решающий характер,—сперва Питер, а потом Москва. Стало быть, не отдать Петербурга, значило ударить крепко по европейской бирже, значило скомпрометировать ее, представить ее в смешном, жалком виде, перед широкими рабочими массами Европы и Америки, с другой стороны, вопрос о Петербурге имел характер внутреннего испытания, внутренней пробы. Есть ли еще порох в пороховницах русской революции и, в частности, у петербургского пролетариата после того, как мы этот революционный порох расходовали нещадно? Оказалось, что есть, что Петербург способен за себя постоять.

Тот факт, что мы Петербурга не сдали, имеет огромное значение для отношения к нам европейского пролетариата и, рикошетом, для отношения к нам европейской буржуазии.

Европейский пролетариат не начинает своей революции именно потому, что европейская буржуазия представляет собой силу покрупнее нашей буржуазии. Есть известная инерция, косность классовых отношений, которая затрудняет старому рабочему классу поднять восстание против старой

могущественной буржуазии. Пролетариат Европы идет к этому, но более медленным путем. Это его буржуазия, пользуясь медленным развитием революции, борется с нами при помощи всех тех орудий и средств, которые она способна привести в движение. Правда, Англия на нашу территорию не бросала своих дивизий, а только свои 15-тидюймовые снаряды. Почему не бросала?—потому, что уже не может. Но если не могла, то тем более не сможет дальше бороться против английского рабочего. Лондонские пролетарии, которые угрожали буржуазии всеобщей стачкой в случае продолжения войны с Россией, эти английские рабочие, которые с осторожностью, с опаской спрашивают себя, будут ли они сильны поднять открытую борьбу против английской биржи, они скажут теперь этой бирже: „Что же, ты открыла борьбу против Петербурга, против России, обещала Балтийское море поджечь. Обещала взять Красный Петербург но не взяла. Как был Петербург городом пролетарским, таким и остался“. Вот что скажет английский рабочий. И чем больше мировая пресса поднимала интерес к вопросу о взятии Петербурга, тем сильнее, тем жесточе будет скомпрометирован мировой империализм в сознании мирового пролетариата, не только с моральной стороны (тут уже давно кредита нет), но и со стороны реальной военной силы. А что интерес к вопросу о судьбе Петербурга был в высокой степени напряженным, мы видим из той же буржуазной печати. Шведская газета прямо пишет: „Мировая неделя Петербургской лихорадки“. Взять Петербург,—писали буржуазные газетчики,—значит открыть новую главу в мировой истории. Стало быть, под Пулковскими высотами, где мы боролись с Юденичем, там в этих небольших сравнительно

армиях, были представлены два отряда, во имя двух величайших мировых сил: с одной стороны— мировая буржуазия, которая дала все, что могла дать в данный момент против нас; с другой стороны—европейский пролетариат, который в этот момент не мог дать ничего, кроме своих пламенных симпатий, ибо моря, пароходы, кабели и радио еще не в его руках. Эта борьба получила, следовательно, не только материальный, но и символический характер. Это была проба сил мировой революции и мировой буржуазии. Это произошло как раз накануне второго юбилея Советской власти. Как будто история попыталась ко дню нашего праздника испытать с одной стороны нас, с другой—мировую биржу, этак пощупать, покачать обе стороны, крепко ли стоят на ногах. В боях под Петербургом Советская власть показала, что стоит на ногах крепко и несокрушимо. Поэтому петербургские бои получают огромное принципиальное и агитационное значение, которое скажется в ближайшие недели и месяцы.

Это не значит, что задача решена—нет, она не решена еще даже и на Петербургском фронте, она в основе своей решена, пожалуй, только на Восточном фронте—там противник разбит, и там вся задача состоит в том, чтобы пожирать пространства, эти необъятные пространства до Тихого океана—там нужно организовать и укреплять Советскую власть—это уже задача на девять десятых не военная. На юге военная задача не решена. Не решена она еще и на северо-западе. Петербург вне опасности, это—несомненно, враг надломлен, однако не сломлен еще, он отступает, но еще не бежит и, во всяком случае, еще не раздавлен. Эта задача должна быть нами выполнена, и армия Юденича должна быть раздавлена.

Войска с Петербургского фронта должны быть как можно скорее освобождены для других задач, прежде всего на Южном фронте, где перелом произошел вполне, но где нужно сосредоточить в ближайшие недели максимум сил, максимум воли и творческой энергии, ибо, как показал нам пример 7 армии, горе нам, когда мы после крупных успехов позволяем нашей организации замирать, распускаться, расшатываться. Нам приходится потом путем невероятных усилий и многих лишних жертв наверстывать то, что мы теряем при отсутствии выдержки. К счастью, опыт, чем дальше, тем больше, нас закаляет и делает более упорными и систематичными в работе.

Нет никакого сомнения после всего того, что мы пережили на наших фронтах, что нашу военную задачу мы разрешим вполне победоносно. У нас, товарищи, в нашей молодой армии, уже есть превосходные кадры, есть борцы, подобных которым мы не много найдем в мировой истории. Если мы, товарищи, открыто говорим об наших недочетах и промахах, о случаях паники, то я считаю, что мы имеем право и обязаны сказать о том героизме, о том из ряда вон выходящем подъеме, который наблюдался на Петербургском фронте. Читайте деникинские сводки, их заявления в печати, где они говорят о том, что наши красноармейцы, наши курсанты, наши коммунисты дерутся, как они выражались, с безумной страстностью. И это верно. Там, где на небольших участках у врага на семь человек один офицер, где третья часть вооружена автоматическими оружиями, где танки и автомобили и где не теряют патронов зря, где стреляют только по живой силе, там с нашей стороны было меньше сноровки и встречались недочеты, но они с избытком воспол-

нялись энтузиазмом и героизмом. Белые утверждали, что у нас больше жертв, чем у них, хотя они признаются, что жертв много и у них. Верно это или нет, проверить трудно. Но факт тот, что наша седьмая армия нанесла врагу непоправимый удар. Там было много жертв. Я видел там на деле молодых рабочих и крестьян, московских и питерских курсантов. Какие борцы! Полки, прибывшие с Восточного фронта, латышский полк—какие герои! Они бросались на танки с револьвером в руке. Ротный командир латышского полка вскочил на танк с криком: „танк наш".—Это все факты, которые Юденич называет фактами героического безумия. Я верю, что при такой армии третий год Советской власти будет годом полного сокрушения наших врагов и твердого мира, обеспеченного вооруженной рукой пролетариата. (Аплодисменты).

Да, я верю, что третий год будет годом мира, к которому мы так стремимся, который нам так нужен. Мы не ищем победы для победы, мы воюем потому, что нас вынуждают воевать. Мы хотим мирного хозяйственного строительства, развития и расцвета культуры. В навязанной нам войне мы видим страшную помеху нашим самым великим и святым задачам. Первый день мира принесет нам демобилизацию армии, вернет в наши ряды многие сотни тысяч пролетариев и крестьян, которых советская страна дала армии для защиты независимости и свободы трудовой республики. Они все вернутся, но они вернутся не вполне теми, какие ушли, они вернутся измененными, и в лучшую, а не в худшую сторону. То, что они там пережили, то напряжение оставит в их душах глубокие рубцы и даст их воле новый стальной закал. Этих наших курсантов и красноармейцев, куда бы их ни поставили в дальнейшем, они свою работу выполнят. Мы им говорим: „враг—Юденич, разбей", они его бьют. Завтра, когда разобьем Юденича и Деникина и вы вернете своих бойцов к себе в тыл и скажете, враг—это холод, голод, разруха в стране,—разбей его!—и тогда вся эта энергия, тот энтузиазм, то самоотвержение, которое скопили в красной армии, все это пойдет на службу мирному труду, на благо нашим изголодавшимся рабочим, работницам, матерям и детям. И мы станем тогда подлинно непобедимыми, мы залечим раны нашей страны, мы обеспечим ей мир, довольствие, свободное развитие и станем свободной страной в ряду других счастливых стран. (Аплодисменты)

КАТАЛОГ КНИГ

Петербургского Отделения Государственного Издательства.

Петербург, Невский, 28.

Р. К.

Алексеев и Варлен. Две речи 70
Арну. Мертвецы коммуны . . 45
Его-же. Народная история Парижской Коммуны . . —
Афиногенов, Н. (Степной). Записки ополченца. Разошлось 1 25
Бакс. Парижская коммуна 1 75
Барбюс. В огне. Дневник полувзвода. Пер. Арденина. 1-е и 2-е издания разошлись. Печ. 3-е изд. 30 —
Басов-Верхоянцев. Венок. Сказки . . . . 5 —
Бебель, А. Из моей жизни. Мемуары, т. I и т. II ч. I по 7 50
Его-же. Христианство и социализм . . . . . . — 50
Богданов. Красная звезда . 5 20
Браке. Долой социал-демократов . . . . 1 —
Брусянин. В борьбе за труд . 3 —
Бухарин. Программа коммунистов 1 75
Его-же. Долой международных разбойников. Разошлось. Печ. 2-е изд. . . — 40
Его-же. Классовая борьба и революция в России . 1 80
Быстрянский. Империализм . . . . — 35
Его-же. Империалистическая Англия против социалистической России . — 40
Вандервельде. Социализм и искусство . . . . . — 90
Ватин. Что такое коммуна? — 20

Р.

Вейтлинг. Человечество, каково оно есть и каким должно быть . . . . . . — 8
Венок коммунаров, Сборн. памяти В. Володарского, с рис. 4
В—ик, Л. Уголок немецкой оккупации . . . . — 5
Войнич, В. Овод. Роман. Пер. с английского З. Венгеровой 4 5
Володарский, В. Напутственная речь агитаторам. 3-е издание . . . . — 5
Волховский. Сказание о царе Симеоне 1
Враги ли евреи рабочим и крестьянам. Разошлось. Печ. 2-е изд. . . . . . — 6
Гайк-Ад-янц. Крестьянский вопрос во Франции . . . — 5
Гауптман. Ткачи. Драма . . 3
Горичев. Таблица исчисления заработной платы от 150 до 1000 р. при 6 и 8 час. рабочем дне 5
Горлов, Н. Темные силы, война и погромы . . . . — 4
Горький, Максим. Макар Чудра. С иллюстрац. . . 1
Его-же. Челкаш 1
Его-же. Двадцать шесть и одна 1
Его-же. Дед Архип и Ленька 1
Его-же. Емельян Пиляй . . 1
Его-же. Дело с застежками . —
Его-же. На плотах 1

Р. К.

орький, Максим. Мальва . . 1 80
го-же. Коновалов 2 60
го-же. Тюрьма 2 25
го-же. Проходимец . . . . 2 —
го-же. Скуки ради 1 40
го-же. Васька Красный . . 2 50
го-же. Кирилка 1 30
го-же. О евреях 1 10
го-же. Как я учился . . . — 90
екав. Фленго. Рассказ из времен коммуны 1871 г. — 25
екреты о суде 1 50
емьян Бедный. Земля обетованная 1 20
го-же. В огненном кольце 1 50
го-же. Басни. С иллюстр. 4 50
итцген. Религия соц.-демократии 3 50
вреи, классовая борьба и погромы . . . . — 40
орес. Мир и пролетариат . — 45
акон о лесах Российской Фед. Сов. Республики . . — 30
иновьев, Г. Корни оборончества. Разошлось. Печ. 2-е изд. 1 10
го-же. Наше положение и задачи создания красной армии . . . . — 25
го-же. Австрия и война . . 1 80
го-же. Из истории пролетарского праздника 1 мая — 30
го-же. Г. В. Плеханов. Вместо речи на могиле . . . — 45
го-же. Хлеб, мир и партии . . . . — 70
го-же. Рабочие партии и профессиональн. союзы . 2 25
го-же. Речь о создании красной армии. 2-е изд. — 25
го-же. Социализм и война 1 10
го-же. Н. Ленин, жизнь и деятельность . . . . . 2 —
го-же. Письмо к крестьянам . . . . — 50

Р. К.

Зиновьев, Г. Слово к красноармейцам . . . . — 40
Его-же. Чехо-словаки, белогвардейцы и рабочий класс . . . . — 35
Его-же. Что делать в деревне . . . . — 70
Его-же. О мятеже левых эс-эров . . . . — 60
Его-же. Война и кризис социализма . . . . . 15 —
Его-же. Из истории нашей партии 1 10
Его-же. Франц Меринг . . . — 30
Зиновьев, Г. и Ленин, Н. Против течения. 2-е изд. 10 —
Зиновьев, Г. и Троцкий, Л. Карл Либкнехт и Роза Люксембург. Речи, произн. на засед. Петр. Совета . . . . 2 —
Ионов, Илья. Алое поле. Стихотворения. 2-е изд. 1 50
Кампанэлла, Томас. Государство солнца. Утопия. 4 30
Карпинский, В. А. Мир или война . . . . — 15
Катая, С. А. Террор буржуазии в Финляндии . . . 3 50
Каутский, К. Наука, жизнь и этика . . . . — 30
Его-же. К. Маркс и его историческое значение . 1 25
Его-же. Экономическое учение К. Маркса. 2-е изд. 3 50
Его-же. Этика 2 25
Его-же. На другой день после социальной революции . . . . — 75
Его-же. Классовые интересы . . . . — 40
Его-же. Карл Маркс. Биографический очерк. . . . — 45
Его-же. Томас Мор и его Утопия . . . . 12 —
Его-же. Ирландия 1 40

	Р. К.
Каутский, К. Возникновение брака и семьи	2 25
Керженцев. Как вести собрание	1 40
Кий. Что такое социализм?	1 10
Его-же. Республика Советов. 4-е исправл. и дополн. издание	— 40
Его-же. От крестьянской общины к социалистической коммуне	— 35
Его-же. Сельская коммуна	— 40
Клюев, Н. Медный кит	2 40
Князев, В. Красные звоны и песни	2 50
Его-же. Красное евангелие.	1 20
Его-же. Песни красного звонаря	8 —
Коллонтай. Работница-мать	— 35
Конколь. Коммуна 71 г.	2 —
Конституция Советской Республики	— 40
Королькевич, Б. Е. Финансовые и экономические законы и мероприятия Германии против держав согласия за время нынешней войны	— 35
Лазар, Бернар. Антисемитизм и революция	— 70
Ларин, Ю. Крестьяне и рабочие в русской революции	— 40
Лассаль, Ф. Принципы труда в современном обществе.	— 60
Лафарг, П. Происхождение религиозных верований.	— 60
Его-же. Благотворительность и право на труд	— 60
Его-же. Миф о непорочном зачатии	— 35
Его-же. Вера в Бога. Разошлось. Печатается 2-е изд.	— 75
Его-же. Труд и капитал	7 50

	Р. К.
Лафарг, П. Патриотизм буржуазии	1 1
Его-же. Право на леность	1 1
Ленин, Н. и Зиновьев, Г. Против течения. 2-е изд., с портретами	10 —
Ленин. Доклад и заключительная речь на 3-м Всероссийском с'езде Советов	— 2
Его-же. Борьба за хлеб. Разошлось Печатается 2-е изд.	— 4
Его-же. Пролетарская революция и ренегат Каутский	4 5
Его-же. Главные задачи наших дней	— 6
Его-же. Уроки революции.	— 4
Его же. Империализм, как новейший этап капитализма. (Популярный очерк).	4 50
Его-же. За 12 лет. Сборник статей	20 —
Либкнехт, В. Два мира	1 6
Его-же Никаких компромиссов, никаких избирательных соглашений	1 3
Его-же. 1848 год и коммуна. 2-е изд.	2 —
Его-же. Воспоминания о К. Марксе	2 —
Либкнехт, Карл. Мой процесс по документам. С предисл. Зиновьева и портретом К. Либкнехта	12 —
Лилин, З. Солдаты тыла. Женский труд до и после войны. Разошлось. Печатается 2-е изд.	2 1
Ее-же. Что дала революция народу	— 3
Литературный сборник, посвящен. памяти Г.В.Плеханова	3 4

Логинов. На страже. Стихотворения. Сатиры	1 80
Лукин, Н. Церковь и государство	— 50
Луначарский. Комедии. 2-е изд.	5 20
Его-же. Первый пророк и мученик революции Радищев	1 20
Луначарский, А. и Зиновьев, Г. К. Маркс и социальн. революция. Разошлось. Печ. 2-е изд.	— 65
Лурье, М. (Ю. Ларин). Суд над К. Либкнехтом	— 45
Его-же. Крестьяне и рабочие в русской революции	2 —
Его-же. Состав пролетариата. 2-е изд.	— 65
Майская, Татьяна. Полустанки	3 50
Маркс, К. Либералы у власти.	2 —
Его-же. Наемный труд и капитал	1 40
Его-же. Заработная плата, цена и прибыль	— 85
Маркс, К. и Энгельс, Ф. О коммунизме	1 40
Маркс, К. и Энгельс, Ф. Манифест коммунистической партии	2 80
Мархлевский. Что такое политическая экономия?	1 10
Меринг, Фр. и Лафарг, П. Фридрих Энгельс	1 40
Мещеряков, В. Деревенская беднота и путь к социализму	— 40
Мирбо. Жан и Мадлена. Драма	1 50
Мор, Т. Утопия	7 20
Муйжель. Бабья жизнь	3 50
Его-же. Старый каморра	2 —
Наш рабочий праздник 1 мая	— 30
Немирович-Данченко. Волчий сын	7 —

	Р. К.
Олар. Полит. история фран... революции	24 —
Памяти К. Маркса. Сборник статей. 2-е изд.	4 50
Первый социалистический советский настольный календарь	20 —
Плеханов, Г. Речь о Белинском	1 80
Равич, С. Что такое республика советов	— 75
Радек. Анархисты и Советская власть	— 12
Раковский. Социализм и война	1 —
Рионов, Ник. Как совершать записи рождений, брака, развода, внебрачных детей и установление отцовства у народных нотариусов	— 75
Ромэн Роллан. Жан Кристоф. Сердце Франции, т. VII	2 25
Его-же. Заря, т. I	4 —
Его-же. Ярмарка на площади, т. V.	7 50
Его-же. В стороне от схватки	5 20
Рубакин. Вода на земле, под землей и над землей. С мног. иллюстр.	3 —
Его-же. Приключения в стране рабства. С многочисл. иллюстрац.	5 50
Его-же. Дедушка-время. Новогодняя сказка	3 —
Его-же. Что такое кометы	3 50
Его-же. Как и когда разные народы научились говорить каждый на своем языке	2 —
Рязанов, Д. Две правды (марксизм и народничество). Разошлось. Печ. 2-е издание	— 90

Цена 10 руб.

	Р.	К.
Рязанов, Д. Обуховское дело. Разошлось. Печ. 2-е изд.	—	70
Его-же. 19-е февраля. Разошлось. Печ. 2-е изд.	—	75
Его-же. К. Маркс и русские люди 40-х годов	1	80
Его-же. Г. В. Плеханов и группа Освобождение труда	—	90
Его-же. Англо-русские отношения в оценке К. Маркса	3	75
Самойлова. Современная безработица и борьба с нею	1	10
Ее - же. Продовольственный вопрос и Советская власть	—	90
Ее-же. Что дала Великая октябрьская революция рабочим и крестьянам. 1-е издание	—	50
2-е издание	1	20
Сборник декретов и постановлений по Союзу Коммун Северной Области, два тома	100	—
Сборник инструкций, положений и правил по организ. с.-х. коммун.	—	20
Срединский, С. Основы газетного дела	2	30
Стеклов, Ю. Черная сотня во Франции. Разошлось. Печ. 2-е изд.	1	20
Его-же. Револ. 1848 г. во Франции	2	—
Его-же. Прудон	—	80
Его-же. Поль Лафарг. 2-е изд.	—	55
Его-же. Новейшее течение во французском антисемитизме	1	—
Его же. Интернационал, ч. I.	4	80
Его же. Интернационал, ч. II	2	25
Степанов. Жан-Поль Марат	—	40
Степанов. Твердые цены на хлеб	—	10
Его-же. Кто богатеет и кто разоряется	—	35
Троцкий. Труд, дисципл. и порядок	—	
Его-же. Слово к рабочим и крестьянам	—	45
Его-же. Советская власть и международный империализм	—	25
Тун, А. История револ. движений в России	4	80
Тюрлан. Парижская коммуна	2	—
Его-же. Цена крови	—	40
Цеткин, К. Война за свободу и мир в России	—	12
Ее-же. Женский вопрос, интелл., пролетар. и социал.	—	70
Ее-же. За большевиков	—	45
* * * Мировая война. С предисловием Г. Зиновьева	1	10
Чикколини, С. В. Происхождение современной войны	—	25
Чуковский, К. Крокодил. С рисунками художника Ре-ми	10	50
Его-же. Уот Уитмэн. Поэзия грядущей демократии	8	—
Шлиссельбург и его мученики. С иллюстрациями.	5	—
Эйснер. В. Либкнехт, его жизнь и деятельность	1	30
Энгельс, Ф. Философия, полит. экономия и социал. (Анти-Дюринг)	11	60
Его-же. Из истории развития социализма	1	40
Его-же. Людвиг Фейербах.	2	50
Ясинский. Воскреснувшие сны. Стихи.	12	—